

Пролог

В тысяча триста сорок шестом году английский король Эдуард Третий в ходе Столетней войны в битве при Креси-ан-Понтье полностью разбил французскую армию, возглавляемую королем Франции Филиппом Шестым. Битва эта расценивается историками как начало конца эпохи рыцарства и наступления новой эпохи — эпохи нового вооружения и новой тактики ведения боя. Король Франции, имея более чем двукратное преимущество в живой силе, рассчитывал на победу, тем более что его армия состояла в основном из доселе непобедимого французского рыцарства. Но Эдуард Третий применил против французов уже испытанную в сражениях против шотландцев тактику — он использовал в качестве основной ударной силы лучников, которые уничтожали рыцарей еще до того, как те успевали вступить в бой.

Мне как командиру отдельного учебного взвода снайперов спецназа военной разведки

эта информация настолько грела душу, что я замучил свое командование просьбами опробовать, то есть испытать новую тактику ведения боя и использовать при этом весь свой взвод, собрав бойцов в один мощный ударный кулак. Вообще-то я предлагал для начала использовать отдельные отделения снайперов и только потом уже целый взвод. До этого по одному или по двое снайперы взвода закреплялись за каким-то подразделением, чаще всего за другим взводом, где приживались и становились уже почти своими бойцами, и в родной взвод возвращались лишь изредка для овладевания новой винтовкой или после ранения, когда в мои обязанности входило определение состояния бойца для выполнения старых и привычных обязанностей.

Надо сказать, что среди бойцов взвода были и солдаты срочной службы, чаще всего бывшие или даже действующие спортсмены-стрелки или же биатлонисты, и «контрактники», и даже младшие офицеры, и потому у меня для придания веса в глазах подчиненных было несвойственное для командира отдельного взвода звание майора. Но спецназ военной разведки тем и славится, что здесь даже ефрейтор может командовать взводом, не говоря уж о сержантах, старших сержантах

и старшинах. Деловые качества в военной разведке всегда стояли во главе угла. При любых обстоятельствах. Ведь мы (говоря об этом, имею в виду всю военную разведку) всегда считались постоянно действующей военной силой, точно так же, как военнослужащие войск противовоздушной обороны или ракетных войск стратегического назначения, хотя наши задачи были чаще всего совсем иные и ставились они нам порой отдельно, а порой вместе с этими самыми действующими силами армии.

По правде говоря, мое воинское звание соответствовало должности начальника штаба батальона, но я никогда и ни за что не про менял бы свою службу на штабную, хотя хлопот у меня было намного больше, как мне думалось, чем у того же начальника штаба. Что входит в обязанности этого офицера? Проследить, чтобы бойцы батальона были обеспечены обмундированием, оружием, боеприпасами, исправной техникой, продуктами питания и прочими мелочами. Ну и разработка отдельных операций, что возлагалась на оперативный отдел, подчиненный начальнику штаба напрямую.

У меня же номенклатура была более значительной и многообразной, а все принадлежно-

сти несравненно более качественными. И проверять качество работы и исправность оборудования было моей прямой обязанностью. Представьте себе снайпера, который вышел на ночную «охоту», а у него оказался неисправным дальномер. И хорошо, если снайпер вышел на «охоту» с кем-то в паре, тогда два бойца, выполняющие одну общую задачу, могут обойтись одним дальномером. А если это «охота» одиночная? Что ему тогда делать? Возвращаться во взвод «несолено хлебавши»? Вот для того и существует командир учебного взвода снайперов, чтобы отправить в войска снайпера с исправным оборудованием и тем более с оружием, соответствующим норме.

А чего только стоит один костюм «Леший». Бойцы-снайперы всегда шили его для себя сами из двух обычных костюмов «Ратник». Резали на узкие полоски, которые пришивались к основному, стандартному костюму. Причем так пришивались, чтобы одежда походила на настоящее дерево. И даже порой использовали естественные безыгольные ветви. Безыгольные потому, что игла от ели могла и за шиворот провалиться. И хорош будет тот снайпер, что постоянно чешется. А если противник заметит в лесу и определит замаскированного снайпера, то это «дерево» рискует получить

пулю. Вот и требовалось проявить и старание, и фантазию, и умение, чтобы хорошо маскироваться. Хочешь жить — научишься. Я всегда бойцам своего взвода, особенно молодым призывникам, приводил пример из Великой Отечественной войны. Говорил, что противник нам дается для того, чтобы у него чему-то учиться. Как немцы обучали солдат СС? Да-вали время на рытье окопов, а потом пускали танки. Кто не справился с нормативом, того давили танком. Выживали только лучшие бойцы. И с ними нашим солдатам потом пришлось ох как повозиться...

А качество костюма «Леший» я сам потом проверял. Выпускал в нем вечером бойца в лес и сам потом искал его с тепловизором. Если находил, заставлял бойца полностью переделать костюм даже в том случае, если в тепловизоре «светился» только ствол винтовки, из которой только что стреляли. Но чаще спрятавшегося не находил. Бойцы остро ощущали ответственность за собственную жизнь и потому делали своих «Леших» старательно. Некоторые даже разбирали остатки второго костюма на толстые нитки, чтобы прикрыть лицо подобием мха, и бороду из этих нитей себе соружали, чтобы прикрыть нижнюю часть лица, а верхнюю закрывали сеткой. Для этих нужд я

сам на свои деньги покупал на базаре рыболовные сети. Причем торговался, выбирая сеть с ячейками помельче, то есть наиболее подходящую для данного конкретного дела.

Но на шитье костюма мучения молодых снайперов не заканчивались. Само собой, проводились учебные занятия по стрельбе, максимально приближенные к боевым. И, как правило, в костюме «Леший», который сам по себе не отличается легкостью, начинаешь прилично потеть. И далеко не каждый боец спецназа бывает в состоянии провести длительное время без малейшего движения, когда то нос, то спина чешется, а почесать никак невозможно, потому что на противоположной стороне работает снайпер противника. Вот здесь-то и важна выдержка. Нужно лежать, терпеть зуд и не шевелиться.

Немаловажна и физическая подготовка, например, она необходима для того, чтобы вынести с поля боя бойца. А еще до того, как вынести раненого, ему, случается, необходимо оказать экстренную медицинскую помощь. Для этого существует отдельный курс обучения, на котором я, как правило, только присутствовал, а вел курс дипломированный специалист — врач из бригадного медсанбата. Хотя, случалось, и мне приходилось что-то подска-

зыва́ть бойцам, все-таки опыт снайперской работы у меня немалый. А иной раз мне помогал старший лейтенант Саша Кривоносов, который до военного училища учился в медицинском институте и подрабатывал сначала санитаром на станции «Скорой помощи», а потом и медбратьем в травматологическом отделении городской больницы. Он еще не растерял свои медицинские знания и лучше меня знал, где следует наложить жгут, чтобы остановить кровотечение. Саша раньше был моим заместителем. Но потом его отправили служить в какой-то отдельный взвод, где старший лейтенант вышел на антиснайперскую охоту. Как он сам потом рассказывал, когда противник начал интенсивный минометный обстрел наших снайперов, он растерялся. От взрыва мины был тяжело ранен его напарник, и Саша, взвалив окровавленное тело на плечи, понес его под обстрелом к своим. Но не донес напарника живым. В медсанчасти из спины напарника извлекли три пули снайперов противника. Сам Кривоносов говорил, что удары пуль заставляли его спотыкаться, но он принял их за удары осколков очередной мины, а две пули порвали ему самому штаны на обеих ногах, повредив один из наколенников. После этого случая старшего лейтенанта обвинили в том,

Сергей САМАРОВ

что он якобы попытался прикрыться от пуль снайперов противника телом тяжелораненого, и отправили его назад во взвод, где его место было уже занято лейтенантом Тахиром Футракуловым. Так лейтенант в моем взводе оказался по должности выше старшего лейтенанта, но, в самом деле, не лишать же лейтенанта должности только потому, что Кривоносова во взвод вернули.

Глава первая

Начальник штаба батальона майор Свиридов позвонил мне по телефону и спросил:

— Геннадий Викторович, ты свободен?

— Только что закончил занятия по ОФП и до темноты предоставлен самому себе. С наступлением темноты едем со взводом на гарнизонное стрельбище, отрабатывать стрельбу с новым тепловизором.

— Дело хорошее. Но я слышу, как ты дыхаешь тяжело. Все нормально?

— Нормально, товарищ майор. Просто мы закончили занятия интенсивной пробежкой. Я сам темп задавал.

Я не стал докладывать майору Свиридову, что пробежку эту бойцы выполняли, взвалив на спину напарника, поскольку снайперам, как и радиистам, и минерам, официально запрещено заниматься с весом более пятнадцати килограммов, хотя этих рекомендаций никто и никогда не придерживается. Вообще-то эти тренировки придуманы для того, чтобы руки при

стрельбе не дрожали. Как же бойцу со слабыми руками таскать с собой, скажем, крупнокалиберную снайперскую винтовку? Она ведь с прицелом и с патронами весит почти пятнадцать килограммов, если не больше. А ее придется таскать порой по нескольку дней подряд. Кроме того, был у меня одно время во взводе снайпер-«качок». Любил парень в тренажерном зале штангу «потягать» и гири перед зеркалом в казарме поворачивать. И ничего, руки у него не дрожали, когда сжимали винтовку с оптическим прицелом. Именно из этих соображений я и увеличивал нагрузки бойцам взвода. А сам слегка задыхался вовсе не потому, что задал излишне высокий темп, а потому, что бойцов у меня во взводе двадцать семь человек, то есть количество нечетное, и при выполнении парных упражнений кто-то обречен на «простой» без пары. Я «простои» не люблю, да и сам не прочь потренироваться. И потому половину дороги до казармы со мной на плечах бежал лейтенант Футракулов, а потом мы поменялись местами и уже я его нес. Оттого и дыхание было тяжелым.

— Ну, Геннадий Викторович, как отдохишился, загляни ко мне в кабинет. Я тебя жду...

Наш начальник штаба не любил говорить командными фразами. Но если он приглашал

зайти, значит, следовало зайти, иначе можно было получить нагоняй.

Я отдохнул и двинулся в штаб.

Батальонный военный городок был построен давно, еще до того, как ввели общие стандарты подобных сооружений и начали пользоваться унификацией в строительстве, и потому нынешним общепринятым стандартам не соответствовал — был более просторным, занимал приличную площадь, большая часть из которой была отведена под учебно-тренировочные занятия. Так, «полоса разведчика» была вдвое шире стандартной армейской «полосы препятствий» — чтобы можно было сразу запускать большее количество бойцов, между которыми обязан возникнуть соревновательный момент, что очень важно в период подготовки — и вполовину длиннее. И завершалась «полоса разведчика» самодельным скалодромом, проходить который полагалось каждому, кто не занимался на полосе, хотя наш батальон и не входил в число тех подразделений военной разведки, что и в настоящее время работали в горных районах Северного Кавказа или хотя бы проходили службу в составе сводного отряда, расквартированного вблизи Махачкалы. Хотя в отдельных подразделениях, задействованных там, были наши выпускники.

Но и не обязательно наши. Ведь наш учебный взвод снайперов был в системе Главного разведывательного управления не единственным.

Чем наш военный городок был схож с другими военными городками подобных подразделений, так это расположением штаба. В городок можно было пройти только через штаб или же въехать через боковые ворота, где постоянно располагался пост КПП. Но там выпускали и запускали только автомобильный транспорт. Для пеших там прохода не было...

Я двинулся в сторону выхода. Выходить было возможно только через штабное двухэтажное здание. А чтобы попасть в кабинет начальника штаба батальона, требовалось подняться на второй этаж, что я сразу и сделал. Дверь кабинета майора Свиридова располагалась справа от лестницы, симметрично кабинету комбата подполковника Сапрунова.

— Пришел? — встретил меня вопросом майор Свиридов.

— Так точно, товарищ майор. Как вызывали...

— Ну пойдем... — майор поднялся из-за стола.

— Куда? — поинтересовался я.

— А я разве не сказал тебе, куда именно? К комбату. Он ждет нас. Сейчас отправимся, я только позвоню ему...

Константин Львович набрал трехзначный номер по стоящему на столе внутреннему телефону и спросил комбата, свободен ли тот и может ли принять двух майоров — Свиридова и Верстакова.

— Через три минуты... — Трубка на внутреннем аппарате начальника штаба была «громко-говорящая», и ему не пришлось доводить суть сказанного мне — я и сам все услышал.

— Подождем... Садись пока... — сам майор вернулся за свой стол и продолжил чтение каких-то бумаг, которые просматривал перед моим приходом.

Наконец начальник штаба отложил стопку бумаг в сторону.

— Все! — сказал он. — Время вышло. Идем...

Мы вышли в коридор. Константин Львович закрыл кабинет своим ключом со связки и двинулся первым. Я за ним. Майор поступил в дверь кабинета комбата. На стук дверь открылась, и вышел командир разведроты капитан Завьялов, к роте которого были прикомандированы пять моих снайперов, а мы вошли.

Подполковник Сапрунов был полной противоположностью своему начальнику штаба и слыл приверженцем армейских уставов

и порядков. И хотя в большинстве батальонов спецназа, как мне было известно, между начальником штаба и командиром батальона существовали, можно сказать, дружественные отношения, у нас было не так. У нас был командир батальона и его подчиненный начальник штаба. И потому майор Свиридов сразу вытянулся по стойке смирно и доложил:

— Товарищ подполковник, майор Свиридов по вашему приказанию прибыл вместе с командиром отдельного учебного взвода снайперов майором Верстаковым.

Я принял ту же стойку, что и начальник штаба, и даже каблуками щелкнул. Подполковник Сапрунов встал из-за стола и прошел на другую его сторону, где стояли три стула, но, вопреки моим ожиданиям, сесть нам не предложил.

Юрий Матвеевич для начала прогулялся перед нами, как прогуливаюсь, случается, я перед построенным взводом, перед тем, как поставить подчиненным учебную задачу, прокашлялся для порядка, хотя кашель, как я понял, его не душил, и сказал:

— Ну что, Геннадий Викторович, доплакался, значит, ты...

— Что, товарищ подполковник? — не очень понял я его вступление.

— Твоя идея о создании мощного снайперского «кулака» из взвода снайперов нашла поддержку наверху, в Москве, в нашем головном управлении и даже в Генеральном штабе...

Честно говоря, я до Москвы со своей идеей еще не добрался. И идея моя могла дойти до самого верха только через комбата или через начальника штаба батальона, а то и через командование бригады после доклада командования батальона. Но факт остается фактом — идею поддержали.

Подполковник выдержал многозначительную паузу и только после нее продолжил:

— Короче говоря, дело обстоит так. Твоему взводу дается три недели на сборы и подготовку, после чего взвод в полном составе... — он прекратил ходить перед нами и на секунду задумался. — Сколько, говоришь, у тебя бойцов?

— Вместе со мной двадцать восемь, товарищ подполковник. Остальные откомандированы в разные взвода и роты различных батальонов. В них воюют. По отзывам, неплохо.

— Так вот, откомандированных оставь на местах. А твой взвод в полном нынешнем составе через три недели отправляется в Сирию для участия непосредственно в боевых дей-

ствиях против «бармалеев». Ты же мечтал попасть в Сирию. Кажется, даже рапорты писал...

В этом он был прав, я написал два рапорта с просьбой отправить меня в командировку в Сирию.

Я прекрасно знал, что Юрий Матвеевич сам перед тем, как принять наш батальон, был в Сирии в командировке, и потому поинтересовался совсем не уставным тоном:

— Вы, наверное, посыложки друзьям через меня в Дамаск передадите...

— Обязательно... Все... Готовься. Пожелания какие-то есть?

— Не знаю вот, насколько они реалистичные... Но кое-какие мысли в голове плавают, товарищ подполковник... — решил я «принаглеть».

— Ну, говори быстрее, а то у меня время лимитировано...

— Я вот на днях видел в интернете сюжет — Лобаев новую винтовку сделал... DXL-5 «Опустошитель». Винтовке дано такое нестандартное название, потому что она призвана опустошать ряды противника. Крупнокалиберная, под два вида патронов — наш двенадцать и семь на сто восемь и натовский двенадцать и семь на девяносто девять. Я, честно говоря, не знаю, на какой стадии готовности находят-

ся винтовки, но хорошо бы было взвод такими вооружить...

Комбат резко повернулся к начальнику штаба:

— Константин Львович, твоя работа... Займись и по возможности обеспечь.

— Понял, товарищ подполковник, — довольно кисло ответил начальник штаба, оценив сразу новую нагрузку для себя. Но у него плечи широкие — сдюжат и это...

— И без всяких отговорок... — сказал командир батальона и снова повернулся ко мне как к основному действующему лицу нашей встречи. — А чем эта винтовка отличается, скажем, от американских аналогов?

— У лучшей американской винтовки — «Барретт М-82» — кучность две угловые минуты плюс столько-то, у «Опустошителя» кучность всего полминуты, товарищ подполковник. Это единственная в мире такая крупнокалиберная снайперская винтовка. Она позволяет прицельно стрелять на дистанции до двух километров. А тот же «Барретт» с трудом стреляет прицельно на тысячу семьсот метров. Значит, у нас увеличивается активная защита на триста метров. Значит, мы имеем возможность с безопасной для себя дистанции отстреливать снайперов «бармалеев», если они будут

вооружены «Барреттами». Есть активная защита, про нее я только что рассказал, а есть пассивная — это маскировка и бронежилет... И мы...

— Ну, для меня это все «темный лес», — перебил меня комбат. — Но если надо, значит, штаб добудет... Напрямую на завод обратится... Он же, кажется, где-то в Калуге... — оказывается, комбат даже знал, где располагается завод Лобаева.

— Так точно, товарищ подполковник, — подтвердил я. — В Калуге...

— Если что, начальник штаба сам туда съезжит... Не переживай. Иди. Отсыпайся впрок. В Сирии спать будет некогда. Я вот после Дамаска уже почти год сонный хожу.

Комбат, кажется, уже готов был записать меня в товарищи по оружию... По крайней мере, в «сирийское братство» уже, кажется, включил...

* * *

Я, естественно, понимал, что, запросив новые винтовки на весь взвод, сильно перегнул палку. Я прекрасно помнил интервью Лобаева, в котором он сказал перед камерой, что винтовки еще испытываются под

стрельбу разными калибрами и окончательный калибр все еще не выбран. Майор Свиридов сам ездил в Калугу, как и предложил ему подполковник Сапрунов, и все-таки привез нам одиннадцать винтовок — все, что на заводе смогли сделать к тому времени, и все с двумя быстросменными стволами. Но и это количество новейшего оружия перекрывало мои ожидания. Одну из винтовок я, естественно, взял себе, поскольку сам думал в Сирии не только командовать взводом, но и участвовать в боевых действиях, остальные десять штук распределил среди бойцов. Конечно, передо мной встало дилемма — стоит ли выдавать новые винтовки двум моим офицерам. Оба они уже имели крупнокалиберные снайперские винтовки «Корд» и неплохо ими пользовались. Изначально я думал вооружить «Опустошителями» тех бойцов, что вооружены морально устаревшими снайперскими винтовками СВД, а таких у меня было двенадцать человек. Значит, следовало кого-то двоих обидеть, не им дав новую винтовку. В итоге, подумав, я решил все же выдать «Опустошители» лучшим стрелкам, в том числе и офицерам. В их руках новая винтовка принесет больше пользы, чем находясь в чьих бы то ни было других.

* * *

В Сирию мы летели через Иран и Ирак. Сразу сложилось впечатление, что иранцы либо не сильно доверяют России, либо дисциплина в их армии стоит на первом месте. Уже после пересечения границы над Каспийским морем наш вертолет «Ми-26» взяли в сопровождение, которое официально называется, если я правильно понимаю ситуацию, «перехватом», иранские истребители российского производства, хотя и была среди них парочка французских «Миражей» и пара «Рафаэлей», которые наиболее активно демонстрировали нам свое подкрыльное вооружение. Это, как я догадался, на случай, если мы вздумаем отклониться от утвержденного маршрута следования и случайно увидим то, что нам видеть не положено. Самолеты несколько раз менялись, судя по бортовым номерам основных ведущих машин. А потом мы совершили промежуточную посадку на каком-то военном аэродроме, где вертолет дозаправился и полетел дальше. Мой взвод на время заправки высадили из винтокрылой машины, посадили в подъехавший автобус, при посадке в который, не без ругани с нашей стороны, отобрали у всех телефоны, которые потом вернули после возвращения в вертолет,

но ругань уже была с иранской стороны, потому что двух телефонов не хватало. Но их нашли быстро, набрали номера пропавших телефонов, и они зазвонили в карманах иранских солдат. Вороватых солдат на наших глазах взяли под стражу, разоружили и отобрали брючные ремни, и иранский сержант принес лично мне, а не пострадавшим бойцам, извинения за недостойное поведение своих подчиненных...

Дальше мы летели более-менее спокойно, если не считать того, что до самой границы с Ираком и даже чуть дальше истребители иранских ВВС продолжали нас сопровождать, все так же время от времени грозить своим ракетным вооружением. Но нас это трогало мало. На военном аэродроме Ирака, где вертолет снова дозаправлялся, стояли несколько американских самолетов, кажется, «F-16». Но утверждать не буду, поскольку в названиях самолетов плохо разбираюсь, то есть для меня что «F-16», что «F-15» любой модификации имеют одно лицо. Но поразило то, что ни иракцы, ни американцы не подогнали нам автобус, чтобы потом запереть в какой-нибудь будке, как это сделали иранцы, и даже телефонами нашими не поинтересовались. Фотографируйте наши самолеты на здоровье, если нравятся, — словно бы говорили они, сияя своими голливудски-

ми улыбками, — нам все равно. Говорило это о доверии к русским или о наплевательском отношении к службе — мне это по большому счету было без разницы — не наша армия. Дальше уже вертолетисты не сопровождали. Мы только издали видели пару американских самолетов, что, видимо, возвращались к себе на базу, но на нас они не обратили никакого внимания, получив, как я догадался, предупреждение о нашем пролете встречным курсом...

Честно говоря, видя американское дружелюбие, я даже усомнился в правдивости наших СМИ и телевидения, постоянно говорящих об американцах как о наших главных врагах. Враги, в моем понимании, не должны улыбаться нам, они по большей части должны оскаливаться и корчить страшные рожи, желая запугать.

Мы летели дальше. В салон вертолета вышел второй пилот. Поскольку наш вертолет носил индекс «Ми-26-Т 2»¹, он имел на борту

---

¹ «Ми-26-Т 2» — тот же вертолет, что и «Ми-26», только в нем аналоговые датчики заменены цифровыми экранами, благодаря чему он обладает возможностью совершать ночные полеты. Имеет экипаж два-три человека, третий, обычно бортмеханик, используется, как правило, при работе с внешней подвеской груза.

всего двух пилотов. Нам бы на взвод хватило вертолета поменьше, но с нами в рейс отправилась еще довольно странная компания из гражданских, сопровождающих какой-то груз в сравнительно небольших картонных коробках, в которых при погрузке что-то погромыхивало. Я, как человек военный, понимал, что Сирия для России в том числе является полигоном для испытаний в борьбе с боевиками новых видов вооружений, которые часто производятся гражданскими предприятиями, но для них это только часть работы. Еще оборудование нужно испытать. Для этой цели, видимо, и везла группа приборы в Сирию.

Видя, как гражданский руководитель группы задирает нос от чувства собственной значимости, я к нему не приближался и не лез знакомиться. Пусть везут свои приборы в Хмеймим и летят назад. А дома рассказывают сказки о своем участии в боевых действиях. Я таких типов уже встречал раньше.

Своего начальника и руководителя коллеги называли Василием Васильевичем.

Второй пилот вертолета что-то сказал Василию Васильевичу. Меня несколько задело, что второй пилот, человек в одном со мной звании, подошел сначала к гражданскому человеку и вытянулся перед ним по стойке смирно. Но

потом он подошел и ко мне и тоже вытянулся по стойке смирно, и я не стал ему ничего говорить.

Пилот сообщил, что мы уже летим над территорией Сирии.

— Скоро будем в Хмеймиме... — добавил он.

Я прильнул к одному из шести боковых иллюминаторов по три с каждой стороны, рядом с которым сразу захватил себе место. Правда, машина имела еще четыре иллюминатора — два в кабине пилотов и два в самом конце салона, уже позади заднего бокового входного люка. На люки в кабине пилотов я не претендовал, а у заднего бокового люка спиной ко мне сидел Василий Васильевич и, устроив на своем объемном животе толстую общую тетрадь, рассматривал чертежи. Что у него в руках именно чертежи, я сумел, приподнявшись, увидеть в бинокль, предоставленный мне начальником штаба батальона майором Свиридовым. Сам бинокль был странного вида. Он имел два входящих окуляра и только один исходящий окуляр. Глядя на человека, использующего такой бинокль, невольно подумаешь, что циклопы не были выдумкой древних греков.

Бинокль был сильно обрезиненным и защищал не только от механического воздействия, но также не светился в тепловизоре. Кроме того, он имел выключатель, отключающий питание аккумулятора с целью сбережения заряда энергии и скрытности своей работы. Назывался бинокль «Катран 3 Б». Если меня не подводит память, катран — это мелкая, не опасная для человека акула, живущая во всех океанах, кроме Северного Ледовитого, а в России в Черном и Баренцевом морях. Длина самых крупных экземпляров этой акулы не превышает метра. Насколько я знаю, из ее печени делают какое-то лекарство от рака. Одновременно с наблюдением с помощью бинокля можно производить видео- и фотосъемку. Рассмотреть в подробностях человека «Катран 3 Б» позволял с дистанции в полтора километра. Приближение было двукратное и четырехкратное, цифровое. Вообще-то такой бинокль позволял снайперу работать с основательным удобством, но вот приближение было маловато, и я, говоря честно, не очень понимал, для чего майор Свиридов добывал его, если стандартный ночной прицел «Шахин», которым снабжено большинство автоматов в спецназе военной разведки, имеет точно такое же при-

Сергей САМАРОВ

ближение. Но командиру снайперского подразделения положено иметь бинокль с тепловизором, и я взял его, однако благоразумно промолчав о том, что уже имею трофеийный французский бинокль с большей кратностью и с большим углом обзора, — еще, чего доброго, начальник штаба воспользуется властью и отберет французский бинокль, якобы для нужд батальона, так же как он уже отбирал у нас трофейное оружие.

Глава вторая

Вертолет летел непривычно низко. Мне даже захотелось спросить у второго пилота, который дремал в своем кресле рядом со входом в кабину пилотов, — отчего такая малая высота? Но я не стал его будить — сообразил, что ему предстоит сидеть за штурвалом при перелете домой. Подумал сам и решил, что высота выбирается из соображений безопасности. Под нами время от времени мелькали останки деревень. И из любой щели могла вылететь ракета ПЗРК, от которой вертолет могут спасти только предварительно запускаемые тепловые ловушки.

Я продолжил смотреть на то, что происходит внизу. За стеклом иллюминатора виднелась дорога. Когда-то она была, по-видимому, покрыта асфальтом, а сейчас выглядела простым, но хорошо утрамбованым сооружением.

Над креслом второго пилота, прямо над его головой, замигала вделанная в стену красная,

видимо, сигнальная лампочка, обычно предназначенная для сигнала бойцам к началу десантирования. Но второй пилот не проснулся. Тогда дважды подала голос сигнальная сирена. Ее грубого голоса было достаточно, чтобы майор открыл глаза, помотал головой, прогоняя остатки сна, и с улыбкой нырнул в пилотскую кабину. Вернулся он через две минуты и сразу направился ко мне.

— Товарищ майор! Там, внизу, блокпост. Наши дежурят. И американскую бронеколонну задержали. Ругаются с ними. А над блокпостом «Апач»¹ завис. Словно грозит ракетами. Что будем делать? Своих выручать надо...

— Приземлиться сможем? — спросил я.

— Нет проблем! — ответил второй пилот. — Но только рядом с дорогой. В поле.

— Полного приземления не надо. В метре над дорогой зависните. Так-то можно, думаю, и над самой дорогой... Снижаемся! — распорядился я, включая внутривзводную связь. — Взвод! К бою! — И сам первым покинул кресло, передернув продольный и довольно легкий в передвижении затвор своей винтовки.

---

¹ «Апач» — американский штурмовой вертолет-ракетоносец McDonnell Douglas «Ан-64» Apache, самый распространенный боевой вертолет в мире. Стоит на вооружении всех стран НАТО.

По узкому салону в нашу сторону шел Василий Васильевич. Второй пилот подскочил к нему, стал что-то суетливо объяснять, сильно жестикулируя. Василий Васильевич только кивнул и сразу молча, но с чувством собственного достоинства отправился на свое уже привычное место.

— Взвод! — дал я команду. — Подготовиться к высадке. Десантироваться с высоты около метра. Один за другим, как на тренировках...

На тренировках мы действительно отрабатывали эти действия совместно с обыкновенным спецназом военной разведки. Предполагалось, что бойцам моего взвода предстоит служить в обычном спецназе, и они к этому готовились, то есть выполняли все, что положено выполнять спецназовцу, и даже больше, если я усложнял задание, а я это делал регулярно, чтобы бойцы моего взвода могли многое и никто бы не упрекал их в неумении что-то выполнять.

Второй пилот выскочил из кабины и уже открывал передний, ближний к кабине и к моему взводу, люк. Видимо, с первым пилотом он уже успел поговорить, и тот максимально приблизил свою машину к земле, которая виднелась в открытый люк под нами на расстоянии около

метра — то есть был выполнен маневр, о котором я и просил.

— Сразу разворачиваемся стволами к противнику... — отдал я последнюю команду по связи и первым покинул вертолет.

Приземлился я на обе ноги, одновременно двумя ногами оттолкнулся от дорожного полотна, почувствовав под подошвой берцев слой мягкой пыли, и прыгнул в сторону, поскольку сразу за мной уже выпрыгивал из вертолета старший лейтенант Кривоносов. Мы оба оставались под днищем «Ми-26» и не спешили сразу выйти на открытое пространство, пока к нам не присоединилось около половины взвода. Только тогда я решил, что уже пора продемонстрировать свою силу, и шагнул вперед. Дорогу перегораживал российский БТР-80. Причем стоял он так, что обехать его было невозможно, особенно в облаке пыли, поднятой «Ми-26», а по другую сторону бронетранспортера стояли пять американских бронемашин «Хамви»¹. На блокпосту стоял российский патруль военной полиции, не пожелавший пропустить американский патруль. Америкосы на дороге откровенно ругались, не стесняясь в выражениях. Мне, как че-

---

¹ «Хамви» — американская бронемашина, созданная на базе внедорожника «Хаммер».

ловеку, свободно владеющему английским языком, их выражения были понятны. Но непонятны они были нашим военным полицейским, которые даже русским владели с трудом, и это к счастью, поскольку большинство из них по происхождению были чеченцами, народом, имеющим горячую кавказскую кровь, и они могли бы просто не выдержать оскорблений и атаковать американские бронемашины, что привело бы только к международному конфликту. А российский блокпост был бы уничтожен превосходящими силами врага. Ведь на каждого нашего военного полицейского приходилось, наверное, по три американца. Мы оказались на месте вовремя.

Но куда только делись голливудские белозубые улыбки, о которых я только недавно думал. Они сменились откровенным озлобленным оскалом.

Мы вышли из-под вертолета и обогнули наш бронетранспортер. Стволы наших снайперских винтовок были направлены прямо на бойцов американской армии. Американцы с уважением смотрели на эти стволы «пятидесятиго» калибра¹, с которым не может справиться ни один в мире бронежилет, и откровенно засо-

---

¹ В американской классификации калибр 12,7 мм называется «пятидесятым» калибром.

мневались в своих силах. Но сверху их поддерживал «Апач», который опустил вниз ствол своего крупнокалиберного пулемета. В это время, завершив высадку спецназа, стал подниматься над дорогой наш «Ми-26». Не имея бортового вооружения, поскольку являлся обыкновенным транспортником, он всем своим массивным телом двинулся на американца. Столкновение казалось неизбежным, и большой «Ми-26» просто смял бы маленький компактный «Апач». Каким-то чудом американцу удалось взмыть вверх и влево и, едва не перевернувшись, уйти в сторону. Но военно-транспортный вертолет повернулся в его сторону и снова ринулся в атаку, прогоняя противника. «Апач» быстро набрал скорость и скрылся за недалекой горной системой.

— Why didn't he shoot?¹ — спросил американский офицер своего помощника с нашивками сержанта.

— He hurried to change the pants he had put on, fearing a collision...² — ответил я офицеру вместо сержанта, который только плечами пожал.

---

¹ — Почему он не стал стрелять?

² — Он поспешил сменить штаны, в которые наложил, опасаясь столкновения...

Офицер выругался и призывно махнул рукой, приказывая своим бойцам садиться в машины. «Хамви» начали разворачиваться на дороге. С трудом, но им это удалось сделать. И броневики быстро поехали куда-то, поднимая пыль. Еще большую пыль поднял вертолет, опускаясь на дорожное полотно. Наверное, пыли и раньше, при посадке, было много, но я как-то не обратил на нее внимания. Наверное, не до того было. Кроме того, мы из облака пыли выходили, следовательно, оно маскировало взвод.

Ко мне подошел старший лейтенант военной полиции, видимо, командир блокпоста. Поблагодарил на скверном русском языке за своевременную помощь.

— Не меня благодарить надо, а вертолетчиков, — проявил я приличествующую случаю скромность. — Они ситуацию определили как опасную и нам сообщили... А мы уж только высадились и даже ни одного выстрела не сделали.

Военные полицейские, как и бойцы американского военного патруля, были одеты в костюмы песочного цвета, а мы все как один были в камуфляжных костюмах «цифра».

— Только прибыли, товарищ майор? — на том же скверном русском языке спросил меня

старший лейтенант, обратив, видимо, внимание на нашу форму.

— Еще не прибыли. Только планируем, — ответил я и пошел к вертолету, который приземлился в поле, неподалеку от дороги, но так, чтобы саму дорогу не задеть большими винтами. Бойцы взвода потянулись за мной.

— Но в боевые действия уже вступили, — сказал старший лейтенант мне в спину достаточно громко, стремясь перекричать звук вертолетного двигателя.

Я из скромности сделал вид, что ничего не услышал. Не люблю выслушивать благодарности, если они не заносятся в персональную учетную карточку офицера.

Но вот командир летного экипажа подполковник это, видимо, любил. И он расплылся в улыбке, когда я стал восхищаться его атакой на штурмовой вертолет. Но подполковник быстро остудил мой пыл, когда я сказал, что «Апач» мог бы и ракету ему навстречупустить.

— Не мог. Мои осколки все равно его сбили бы... Он угрозу понял...

— Вам лучше знать, — согласился я. — Вы же специалист.

А Василий Васильевич все так же невозмутимо продолжал сидеть на своем месте, ли-

стая все ту же тетрадь, и я даже был почему-то уверен, что происшествие на дороге его никак не заинтересовало...

* * *

Дальше до Хмеймима мы летели без происшествий. На аэродроме нас сразу, всем взводом, отправили на склад менять форму. Лично мне песочного цвета камуфляж понравился больше, чем цифровой, — он был и легче, и мягче, единственное, что вызывало недовольство, это рубашки с коротким рукавом. Это значило, что руки в тепловизоре будут светиться, что для снайпера вообще недопустимо. О чем я тут же сообщил сопровождающему нас подполковнику Ягужинскому из ГРУ, как он мне представился, словно забыл, что ГРУ теперь называется Главным управлением Генерального штаба. Но мне лично такое представление понравилось даже больше, поскольку звучало более привычно.

— Мы ваш взвод так быстро не ждали. Но форму для вас заказали. Прибудет завтра — послезавтра, в крайнем случае. Тогда сразу и смените. А пока, как говорится, «за неимением гербовой бумаги пишем на простой...». Временно...

Я хорошо знал, что ничего более постоянного, чем временное, не бывает. Тем более в армии. Тем не менее крыть мне было нечем, и пришлось смириться. Тем более что старые костюмы «Леший» взвод не стал сдавать.

После ужина, когда взвод отдыхал, к нам в палаточный лагерь пришел Ягужинский.

— Дрыхнете?! Хорошее дело. И полезное... Отсыпайтесь еще полтора часа. Через полтора часа выезд. С корабля, как говорится, на бал... Автобус подадут к палаткам. Ты, майор, через час должен быть в штабе. Найди там меня. Получишь задание. Извини уж, что обожиться взводу не дали, но поступили сведения о готовящейся атаке «бармалеев». Здесь война идет. Мы, люди, предполагаем, а Господь располагает... И действовать приходится исходя из обстоятельств. Значит, будем действовать?

— Будем, товарищ подполковник, — согласился я. — Через час буду у вас.

Я даже будильник на мобильнике ставить не стал, уверенный в том, что проснусь вовремя. Уснул сразу, по приказу организму, и проснулся ровно через пятьдесят минут, как сам себе и наказывал. Успел умыться и побриться и ровно через десять минут был уже в штабе, расположенному в бывшем здании гражданского

аэропорта имени Басиля Аль-Асада, старшего брата нынешнего президента Сирии, погибшего в автомобильной катастрофе в 1994 году в возрасте тридцати одного года. Если бы не его несвоевременная гибель, сейчас он был бы президентом Сирии, а вовсе не его младший брат Башар. Это позволило бы, возможно, избежать многих проблем, с которыми в настоящее время столкнулась республика. Все же Басиль Аль-Асад был любимцем простого народа.

Я поинтересовался у дежурного офицера-сирийца, где мне найти подполковника Ягужинского. Офицер на вполне сносном русском языке дал мне исчерпывающий ответ, потом проверил мои документы и сверился со списком. Подполковник не забыл, как оказалось, записать меня. И я прошел, думая о том, что дежурному следовало все сделать наоборот: сначала посмотреть мои документы, потом свериться со списком, а уже после этого объяснить, где находится кабинет Ягужинского. Иначе кабинет может найти и постороннее лицо и бросить, скажем, в окно гранату. Но, оказавшись в кабинете подполковника, я, осмотревшись, понял, что слишком рано начал ощущать себя диверсантом. Окна кабинета Ягужинского представляли собой сплошную

стену из двойного толстого стекла, и забросить в кабинет гранату было просто-напросто невозможно.

— Садись, Геннадий Викторович, — Ягужинский указал мне на стул у своего письменного стола и расстелил на столе поверх стекла и двух стопок с какими-то папками большую карту и стал показывать на ней остро заточенным простым карандашом. — Смотри вот сюда. Видишь, высота, господствующая над местностью.

— Вижу... — согласился я. — И линию окопа вижу. По моим прикидкам, здесь не менее трех взводов должно бы разместиться.

— Пока здесь только два взвода сирийской правительственный армии. А это значит, практически никто высоту не держит... Сирийцы торговать умеют, а не воевать. Такое у меня о них мнение, ты уж извини за откровенность. Если бы здесь не было нас, страной бы давно правили «бармалеи» или американцы... Не берусь судить, что для России хуже... — подполковник осмотрел давно и хорошо ему знакомые стены и полки на них, словно в поисках подслушивающего устройства. И мне подумалось, что он человек излишне мнительный.

— Американцы думали вместо Асада своих правителей посадить...

— Вот именно — своих. Которые будут делать то, что им прикажут... В первую очередь — прогнать из Сирии русских. А для России это значит — прощай плацдарм на всю Южную Европу! И на всю Северную Африку тоже! Нужен нам этот плацдарм, как считаешь?

— Считаю, товарищ подполковник, что очень нужен.

— Ну, так и будем за него воевать вместе с сирийцами или даже вместо них. Бум, майор?

— Бум, товарищ подполковник. Бум...

— Так вот тебе вводная... Есть высота, которую «бармалеи» сегодня ночью попытаются отобрать. Высоту держат два взвода сирийской правительственный армии. Эти данные у «бармалеев» есть. Твой взвод должен стать сюрпризом для наступающих. Они просто еще не знают о том, что твой взвод прилетел. Я не думаю, что американцы так быстро сумели передать «бармалеям» информацию об эксцессе на дороге, когда ты со своим взводом блокпост деблокировал. Обычно они сначала нам претензии высказывают и только потом данные «бармалеям» передают... При этом изначально в интернете размещают сообщение. Но они пока молчат. А тебе подготовлено тоже два сюрприза, не только «бармалеям». Первый — ты знаешь, что несколько

тысяч лет назад на территории Сирии водились бегемоты? Если, конечно, ты любишь почитать научно-популярную литературу, то должен знать. Однако водились они только в северной части долины реки Иордан с видом на Галелейское море, но там даже город с таким названием древние греки построили — Гиппопотам. Правда, город был почти разрушен и захирел еще во времена правления Византии, а потом, во времена правления арабов, после землетрясения семьсот сорок девято-го года жители его покинули. Сейчас известен только тем, что по нему проходила граница демилитаризованной зоны тысяча девятьсот сорок седьмого года между Сирией и Израилем. Так вот, несколько веков тому назад там жили племена алавитов, которые славились тем, что разводили бегемотов как домашний скот. Я должен тебе сказать, что дикий бегемот почти не поддается дрессировке, почему и в цирке его встретить можно только изредка. Даже львы и тигры легче дрессируются, не говоря уже о медведях. А полностью приручить гиппопотама очень сложно. Так вот, твоему взводу, товарищ майор, видимо, будут приданы два боевых бегемота с погонщиками. Бегемоты вообще-то подслеповатые животные. И потому обучены атаковать только с ближней

дистанции. Любимая их забава — переворачивать автомобили. Но это на дорогах массового пользования. У нас же они специализируются на джихадмобилях¹. Звери уж проверены в реальном ночном бою. Главное, чтобы они не помчались в атаку раньше времени. Бегемот — это же не танк, он не умеет отражать пули, переваривать их не умеет тем более. Но я, кажется, слегка увлекся. Целую лекцию тебе прочитал.

Атака с помощью бегемотов была экзотична и интересна, по крайней мере мало вязалась с современной войной. Однако расспрашивать подполковника подробнее я не стал.

— А что со вторым сюрпризом?

— Его судьба еще неизвестна. А заранее сообщать я не имею права. Но ты вместе с ним сам прилетел. И непонятно пока, будет ли он применен. Если будет, сам увидишь! Тебе же потом отзыв об испытаниях писать... Но не переживай, я, видимо, с вами буду, подскажу, когда что надо сделать... Ну, пока иди ко взводу, собирайся, проверяй, как полагается, бое-

---

¹ Д жихад моби ль — чаще всего пикап или легкий грузовик, в кузове которого устанавливается пулемет или легкая пушка. Однако в последнее время все чаще встречаются джихадмобили с вертолетными установками для пуска неуправляемых реактивных снарядов (НУРСов).

готовность. Я скоро прибуду. Меня сирийцы на этой высоте знают лично, и я тебя сам им представлю.

Я промолчал, вспомнив картонные коробки в вертолете, и представил себе совсем не боевую и даже откровенно пузатую фигуру Василия Васильевича, в мундире спецназовца рвущегося в бой. Хотелось надеяться, что в бой он все-таки предпочтет не идти. Даже если на Василия Васильевича натянуть хоть три, хоть четыре бронежилета, голова его и руки все равно останутся открытыми и пуля в них обязательно попадет. А голова у человека всего одна, и несколько шлемов один на другой надеть невозможно... Правда, сначала я опасался, что Ягужинский вздумает взять на себя командование взводом. Мне эта идея не нравилась, но, судя по дальнейшим его словам и действиям, он этого делать не намеревался...

* * *

Я вернулся в палаточный городок, где господствовали вообще-то морские пехотинцы, отличавшиеся своей всегда тщательно отутюженной черной формой, которую они не желали сменить на песочный камуфляж. Хотя, возможно, те, кто ходил в бой, форму и сме-

нили, и только комендантская рота, из бойцов которой и состояли многочисленные патрули и часовые, от такой замены отказалась. А нашим взглядам постоянно попадались именно они. Остальные были на позиции или отдыхали.

Два автобуса уже стояли рядом с нашими палатками, с открытыми для превентивной вентиляции дверьми — поскольку во время движения открывать двери было невозможно из-за пыли на дорогах, и бойцы были готовы к погрузке. Маскировочные костюмы «Леший» были извлечены из рюкзаков и у половины бойцов надеты прямо на голое тело, а поверх они надевали свою новую, только недавно полученную «камуфляжку». Хотя кое-кто и наоборот надевал — костюм «Лешего» поверх песочного камуфляжа. Против такого нововведения я возражать не стал, тем более видел, что экипировкой взвода командовал лейтенант Тахир Футракулов. Не подрывать же его авторитет перед взводом. Но у меня было опасение, что это сделает подполковник Ягужинский, который обещал вскоре присоединиться к нам. И в самом деле, его уазик вскоре показался на дороге между ровными, как по разметочной ленте выверенными при установке, рядами палаток. Подполковник выскочил из машины еще до того, как она полностью остановилась, — я

уже успел заметить за Ягужинским такую привычку покидать транспортное средство, некоторая лихость бывшего спецназовца. Некоторые офицеры нашего батальона точно так же покидают бронетранспортеры и боевые машины пехоты. Но они же молоды, а подполковнику уже, думается, под пятьдесят. Но от привычки демонстрировать всем свою лихость он избавиться до сих пор не смог, хотя, кажется, пора бы уже. Я тоже, пожалуй, мог бы так поступать, но не люблю рисоваться.

— Готовы? — с разбегу спросил Ягужинский. — К машине! — дал он команду к посадке и только сейчас заметил странную форму одежды на бойцах взвода.

Я ожидал вопроса по этому поводу и даже подготовил на него ответ, казавшийся мне убедительным, но подполковник сам мой ответ озвучил.

— А что? — сказал он. — Ночи в пустыне холодные. Так-то теплее будет. Молодец, майор, хорошо придумал.

— Это не я, это лейтенант Футракулов придумал.

— Ну, тогда лейтенант у тебя молодец! Едем... Времени у нас в обрез... — распорядился Ягужинский, видя, что мои бойцы расселись в автобусах. — Дорога не близкая. Как